

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.05.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-4-759-764

УДК 347.736

ДЕНЬКОВИЧ Виктор Сергеевич,
Аспирант
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
e-mail: Arbitr.dvs@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОМИНАЛЬНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ИСКУССТВЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ РЕЕСТРА ТРЕБОВАНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных способов злоупотребления правом в делах о несостоятельности. Особое внимание уделено использованию номинальных руководителей и фиктивному формированию реестра требований. Автор раскрывает признаки искусственности обязательств, исследует правовую природу номинального управления и обосновывает необходимость применения презумпций зависимости. Рассматривается практика отказа в защите прав при недобросовестном поведении. Делается вывод о необходимости комплексной правовой реакции, включающей расширение полномочий суда и усиление процессуальных фильтров для защиты интересов добросовестных участников процедуры банкротства.

Ключевые слова: банкротство, злоупотребление правом, номинальный руководитель, фиктивное обязательство, реестр требований, добросовестность.

DENKOVICH Viktor Sergeevich,
graduate student
Saint-Petersburg University of
Management Technologies and Economics,
e-mail: mail@law-books.ru

USE OF NOMINAL DIRECTORS AND ARTIFICIAL FORMATION OF THE CREDITORS' REGISTER: CONTEMPORARY METHODS OF ABUSING RIGHTS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Annotation. The article analyzes contemporary methods of abusing rights in bankruptcy cases. Special attention is given to the use of nominal directors and the artificial formation of the creditors' register. The author identifies the key indicators of fictitious claims, examines the legal nature of nominal management, and substantiates the need for applying presumptions of dependence. The paper reviews case law on the denial of legal protection in cases of bad faith behavior. It concludes with the need for a comprehensive legal response, including enhanced judicial powers and procedural safeguards to protect the interests of bona fide participants in bankruptcy proceedings.

Key words: bankruptcy, abuse of rights, nominal director, fictitious claim, creditors' register, good faith.

Введение. Современная практика применения законодательства о несостоятельности характеризуется нарастающей сложностью схем злоупотребления правом, основанных на манипулятивном использовании процессуальных механизмов, закрепленных в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (бан-

кротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве). Особое распространение в последние годы получили два структурно взаимосвязанных приема – фиксация в качестве руководителя формально не участвующего

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. №209-210. 02.11.2002.

щего в управлении лица и искусственное формирование реестра требований кредиторов путем документального закрепления мнимых обязательств.

Привлечение номинальных руководителей позволяет контролирующим субъектам дистанцироваться от ответственности и легализовать операции, направленные на перераспределение конкурсной массы в интересах ограниченного круга лиц. В свою очередь, включение фиктивных требований в реестр создает предпосылки для искажения соотношения голосов на собрании кредиторов и принятия решений, не отражающих баланс законных интересов участников процедуры.

Несмотря на наличие общего запрета злоупотребления правом (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, далее – ГК РФ), действующее законодательство не содержит специальных процедурных фильтров, позволяющих своевременно пресекать злоупотребления, совершаемые на стадии формирования реестра кредиторов. Отсутствие эффективных механизмов доказывания аффилированности и экономической бессодержательности задолженности, подтвержденной номинальным лицом, способствует росту числа случаев, в которых фиктивные требования легализуются при формальном соблюдении процессуальных норм.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ актуальных способов недобросовестного поведения в процедурах банкротства, совершаемого с использованием номинальных руководителей и фиктивного реестра, а также разработка предложений по их правовому пресечению.

Правовая природа номинального руководства в процедурах банкротства.

Формальное назначение руководителя, не осуществляющего фактическое управление должником, представляет собой правовую модель, широко используемую для сокрытия реального контроля и минимизации ответственности. В арбитражной практике такая фигура получила обозначение как номинальный руководитель – субъект, действия которого не соответствуют признакам разумного и добросовестного поведения, ожидаемого от лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа. При этом использование номинала служит инструментом «прикрытия противоправных операций, в том числе фиктивного увеличения обязательств» [4, с. 36].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. №238-239. 08.12.1994.

Закон о банкротстве не содержит легального определения номинальности, однако в судебной практике категория формируется по совокупности внешних признаков: отсутствие участия в корпоративной и хозяйственной деятельности, подписание документов без понимания их содержания, наличие доверенности на широкое представительство третьего лица и прямая или косвенная зависимость от контролирующего субъекта. В п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве указывается на возможность привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, под которым понимается лицо, имеющее возможность давать обязательные для исполнения указания. В ряде случаев суды признают номинальных директоров именно такими контролируруемыми субъектами, если они выступают формальной оболочкой для сокрытия фактического управления.

Показателен вывод, сделанный в Определении Верховного Суда РФ от 09.01.2025 № 304-ЭС24-22313 по делу № А46-7579/2022²: при отсутствии доказательств разумного и добросовестного поведения номинального директора, суды признали распределение бремени доказывания допустимым в пользу ответчиков. При этом особое внимание было уделено обстоятельствам, свидетельствующим о формальности трудовых отношений, расчетах преимущественно наличными и отсутствии корпоративной документации, подтверждающей активное управление со стороны назначенного лица.

Такая правовая конструкция позволяет квалифицировать номинальное руководство как механизм сокрытия фактических управляющих, обладающих реальной диспозицией в отношении активов должника. С учетом положений п. 2 ст. 10 ГК РФ, которые допускают отказ в защите прав при злоупотреблении, поведение, направленное на внедрение номинальных исполнителей с целью имитации самостоятельности управления, должно признаваться противоправным.

Кроме того, в доктрине обоснованно высказывается позиция, согласно которой «включение фиктивных кредиторских требований, подтвержденных именно номинальным директором, усиливает презумпцию их недобросовестного происхождения» [8, с. 98]. Подобное сочетание должно рассматриваться судами как признак объединенного злоупотребления и требовать применения особых процессуальных мер – от перехода бремени доказывания к должнику до отказа в защите прав по аналогии с положениями ст. 61.11 Закона о банкротстве.

² Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2025 № 304-ЭС24-22313. URL: <https://www.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=844734> (дата обращения: 07.04.2025).

Формирование реестра требований кредиторов, предусмотренное ст. 16 и ст. 71 Закона о банкротстве, является ключевым элементом процедуры, от которого зависит соотношение влияния участников на все последующие этапы дела. При этом в практике нередко встречаются случаи, когда реестр заполняется фиктивными или документально легализованными обязательствами, не имеющими под собой экономического основания. Указанное явление представляет собой форму системного злоупотребления правом, направленного на получение преимущества вопреки назначению процедуры банкротства.

Наиболее распространенным способом включения фиктивных требований является передача формальных долгов через цессию между аффилированными лицами. Как правило, такие уступки сопровождаются подписанием актов взаиморасчетов, фиктивных актов приема-передачи или формальных договоров займа. Признаками недобросовестности при этом выступают: отсутствие реального движения денежных средств, «участие в сделке номинального руководителя, наличие общего контролирующего лица между должником и кредитором» [2, с. 22].

В Определении Верховного Суда РФ от 30.04.2020 № 309-ЭС19-21339(5)¹ суд признал недействительными цепочку сделок, включая договор уступки права требования и акты приемки работ, на основании совокупности обстоятельств, свидетельствующих о фиктивном характере обязательства. Суды установили, что действия участников были направлены на создание мнимой задолженности с целью ее включения в реестр и получения возможности участвовать в управлении процедурой банкротства. Основанием отказа в защите стало злоупотребление правом, оформленное в виде взаимозависимых сделок без экономического содержания.

Возможность таких злоупотреблений обусловлена отсутствием предварительного механизма верификации требований. Закон о банкротстве возлагает обязанность по проверке заявленных требований на арбитражного управляющего (п. 3 ст. 16), однако в условиях зависимости управляющего от заинтересованных кредиторов, фактическая проверка сведений носит формальный характер. При этом суд не наделен правом отказать во включении в реестр требований, «не оспоренных по установленной процедуре, даже при наличии косвенных признаков их фиктивности» [1, с. 89].

¹ Определение Верховного Суда РФ от 30.04.2020 № 309-ЭС19-21339(5). URL: <https://www.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=627709> (дата обращения: 07.04.2025).

Дополнительную сложность создает невозможность со стороны добросовестных участников банкротства оспорить включение подозрительных требований без привлечения к процессу контролирующего бенефициара. В отсутствие доступа к первичным документам, подтверждающим или опровергающим наличие задолженности, любые доводы кредиторов оказываются уязвимыми с доказательственной точки зрения. Это особенно актуально в случае, когда фиктивное обязательство легализуется посредством подписания со стороны номинального руководителя, фактически не обладающего информацией о характере сделки.

Современная судебная практика демонстрирует тенденцию к усилению контроля над содержанием реестра, однако до настоящего времени отсутствует устойчивая презумпция зависимости обязательства при наличии признаков номинальности и корпоративной аффилиации. В доктрине справедливо указывается на необходимость введения специальных критериев экономической осмысленности обязательств, заявляемых к включению в реестр, с возможностью процессуального отказа в защите прав при доказанном злоупотреблении.

Механизмы фиктивного формирования реестра требований кредиторов.

Проблема искусственного формирования реестра требований приобретает дополнительную остроту в ситуациях, когда его легализация обеспечивается действиями номинального руководителя. Номинальность в таком случае выполняет функцию правовой маскировки: лицо, формально наделенное полномочиями, оформляет документы, подтверждающие задолженность, не обладая при этом ни полномочиями на принятие финансовых решений, ни доступом к первичной бухгалтерии. Это позволяет контролирующим субъектам использовать «фиктивные документы» как основание для включения сомнительных требований в реестр» [10, с. 115].

Верховный Суд РФ в определении от 09.01.2025 № 304-ЭС24-22313 прямо указал на совокупность признаков, подтверждающих формальное управление – расчеты в наличной форме, отсутствие договорных отношений с работниками, подписание документов номинальным директором. При этом суд подчеркнул, что такие обстоятельства оправдывают смещение бремени доказывания и требуют оценки поведения участников с позиций добросовестности и разумности, исходя из п. 2 ст. 10 ГК РФ.

Ключевая проблема заключается в том, что суды при включении в реестр требований кредиторов ориентируются на внешнюю правовую действитель-

ность – наличие подписанных документов, формальное соответствие требованиям закона, отсутствие прямого оспаривания сделки. Однако если обязательство формируется по инициативе контролирующего лица, а его подтверждение исходит от номинала, утратившего связь с управлением, возникает «закрытая система, исключаящая реальный контроль над процедурой» [6, с. 56].

Особо опасны случаи, в которых фиктивные требования, подтвержденные номинальным лицом, используются не только для увеличения конкурсной массы на бумаге, но и для воздействия на исход голосования, в том числе при утверждении плана реструктуризации, заключении мирового соглашения или выборе кандидатуры управляющего. Фактически создается правовой контур, в котором действия формального субъекта обеспечивают реализацию «воли скрытого контролирующего лица, что приводит к нарушению баланса интересов» [3, с. 89].

Доктринально обоснованным представляется подход, при котором совмещение статуса номинального подписанта и аффилированного кредитора в пределах одной схемы должно рассматриваться как презумпция недобросовестности. В отсутствие доказательств обратного включение таких требований в реестр должно признаваться недопустимым. Учитывая положения ст. 71 и ст. 100 Закона о банкротстве в системной связи со ст. 170 ГК РФ, основанием для отказа в защите может быть признана «мнимость обязательства, подкрепленная номинальной верификацией» [5, с. 123].

Таким образом, перекрестное использование номинальных лиц и фиктивных требований образует особую форму комбинированного злоупотребления, в которой правовая фикция (руководство) подкрепляет экономическую фикцию (обязательство). Современная судебная практика демонстрирует растущую чувствительность к подобным конструкциям, однако их квалификация по-прежнему затруднена в отсутствие процессуальных презумпций, защищающих интересы добросовестных участников процедуры.

Судебная практика и доктринальные ориентиры.

Судебная практика постепенно формирует совокупность признаков, позволяющих идентифицировать мнимую или притворную задолженность, включенную в реестр требований кредиторов в обход назначения банкротной процедуры. Основные критерии искусственности обязательства вырабатываются на уровне кассационных инстанций и опираются не на формальное наличие договора или подписанных актов, а на анализ фактического исполнения и экономического смысла сделки.

Во-первых, ключевым фактором выступает отсутствие движения денежных средств, как между должником и предполагаемым кредитором, так и между участниками цепочки уступок. Такая ситуация характерна для схем, при которых задолженность «легализуется» документами без подтверждения со стороны расчетных счетов, а используемые формы актов (КС-2, КС-3 и др.) имеют формальный характер.

Во-вторых, критически оценивается исполнение обязательства по иным основаниям, не предусмотренным первоначальным договором. Примером может служить возврат займа не в денежной форме, а зачетом взаимных требований между аффилированными лицами, либо полное отсутствие возврата при формальном наличии обязательства, переданного по договору цессии.

В-третьих, важнейшим квалифицирующим признаком является контроль кредитора над должником, как прямой, так и косвенный. Такая зависимость может проявляться через совпадение участников, наличие родственных или корпоративных связей, а также через делегирование номинальных руководителей, подписавших подтверждающие документы. Наличие контроля не само по себе делает обязательство мнимым, однако «в совокупности с иными признаками оно резко снижает доверие к экономической природе сделки» [7, с. 89].

Верховный Суд РФ последовательно признает совокупность этих обстоятельств достаточной для квалификации задолженности как фиктивной. Так, в Определении от 30.12.2019 № 308-ЭС19-19651(5)¹ суд указал на отсутствие доказательств экономической целесообразности сделки и установил, что обязательство создано с целью получения противоправного контроля над процедурой банкротства, что исключает возможность его включения в реестр.

Традиционный подход к злоупотреблению правом требует от заинтересованного лица активного доказывания совокупности обстоятельств, свидетельствующих о мнимости обязательства, контроле и отсутствии встречного исполнения. Однако в ситуации, когда документы подписаны номинальным руководителем, а цепочка сделок уходит в сферу корпоративной аффилиации, такие «доказательства находятся вне доступа добросовестных участников процедуры» [9, с. 48].

Именно поэтому в доктрине и судебной практике актуализируется идея конструктивного реагирования.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 30.12.2019 № 308-ЭС19-19651(5) по делу № А25-605/2018. URL: <https://www.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=613413> (дата обращения: 07.04.2025).

рования на подобные случаи через механизм правовых презумпций. Системное толкование п. 3 ст. 10 ГК РФ допускает отказ в защите прав не только при прямом нарушении закона, но и при злоупотреблении формой его реализации, в том числе в случае, когда доказательственная база искусственно блокируется действиями недобросовестного субъекта.

Особое значение имеет практика применения ст. 61.11 Закона о банкротстве, устанавливающей правила привлечения к субсидиарной ответственности при недобросовестных действиях. В ряде дел Верховный Суд РФ признает допустимым смещение бремени доказывания в пользу истца при наличии признаков формального управления и корпоративной зависимости между должником и кредитором. Такой подход, будучи развитым в виде презумпции недобросовестности при совмещении номинального статуса и фиктивного требования, может существенно повысить эффективность защиты добросовестных участников процедуры. В этом смысле презумпции становятся не ограничением, а инструментом восстановления баланса в условиях структурного неравенства сторон.

Заключение.

Рассмотренные формы недобросовестного поведения в делах о несостоятельности демонстрируют все более изощренный характер злоупотреблений, направленных на искажение существа процедуры банкротства. Использование номинальных руководителей и включение фиктивных обязательств в реестр требований – это не изолированные явления, а элементы единой правовой конструкции, позволяющей контролирующим субъектам влиять на ход процедуры при формальном соблюдении законодательства. Сложность правовой квалификации подобных схем заключается в том, что они опираются на внешне корректные действия: подписание документов, наличие договоров, уступок, актов сверки. В условиях, когда такие действия исходят от лиц, формально наделенных полномочиями, но фактически исключенных из управления, правовая система сталкивается с феноменом фиктивной легитимности.

Современная судебная практика движется в направлении признания таких схем злоупотреблением правом, однако универсальные критерии фиктивности обязательств до сих пор не закреплены. В целях повышения устойчивости процедур банкротства и защиты интересов добросовестных кредиторов целесообразно:

– закрепить презумпцию зависимости обязательства, подтвержденного номинальным лицом при наличии корпоративной аффилиации;

– предоставить суду полномочие отказывать во включении требований в реестр без необходимости оспаривания сделки, если выявлены признаки отсутствия экономического содержания;

– обеспечить правовое признание номинального руководства как обстоятельства, смещающего бремя доказывания при квалификации обязательств и ответственности.

Комплексное применение конструкций добросовестности, презумпций и отказа в защите позволяет эффективно реагировать на вызовы, возникающие в сфере несостоятельности, не подорывая при этом принципов правовой определенности и равенства сторон.

Список литературы

- [1] Абдиримов А.Ф., Озмаян Ю.З. Субъекты субсидиарной ответственности в делах о банкротстве // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 87-90.
- [2] Буракова К.В. Синергия и диссонанс института контролирующего лица в законодательстве о банкротстве и института фактически контролирующего лица в корпоративном праве // Право и бизнес. 2020. № 2. С. 19-26.
- [3] Денисова А.А., Заиченко Я.И. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих должника, по делам о несостоятельности (банкротстве) в практике Верховного Суда Российской Федерации // Проблемы научной мысли. 2024. Т. 1. № 4. С. 85-91.
- [4] Ефимов А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц. М.: Проспект, 2024. 376 с.
- [5] Коростелев А.П. Нормативное определение правового статуса контролирующего лица должника: аспекты развития правоприменительной практики // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 121-125.
- [6] Родина Н.В. Субординация требований кредиторов в процессе несостоятельности (банкротства) юридических лиц. М.: Юстицинформ, 2023. 192с.
- [7] Столярчук М.В. Понятие и квалифицирующие признаки номинальности в банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2 (105). С. 77-83.
- [8] Хабриева Т.Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации. М.: Норма, 2023. 384с.
- [9] Ходаковский А.П. Фиктивная задолженность и противодействие ее включению в реестр требований при банкротстве // Право и экономика. 2021. № 8 (402). С. 41-50.
- [10] Шишкина Е.В. Субсидиарная ответственность номинального руководителя в рамках дела о банкротстве // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 110-118.

Spisok literatury:

[1] Abdirimov A.F., Ozmanyany Yu.Z. Sub»ekty subsidiarnoy otvetstvennosti v delakh o bankrotstve // Yuridicheskaya nauka. 2023. № 5. S. 87–90.

[2] Burakova K.V. Sinergiya i dissonans instituta kontroliruyushchego litsa v zakonodatel'stve o bankrotstve i instituta fakticheski kontroliruyushchego litsa v korporativnom prave // Pravo i biznes. 2020. № 2. S. 19–26.

[3] Denisova A.A., Zaichenko Ya.I. Subsidiarnaya otvetstvennost' lits, kontroliruyushchikh dolzhnika, po delam o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) v praktike Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii // Problemy nauchnoy mysli. 2024. T. 1. № 4. S. 85–91.

[4] Efimov A.V. Vliyaniye ekonomicheskikh kharakteristik (pokazateley) na pravovoe polozheniye yuridicheskikh lits. M.: Prospekt, 2024. 376 s.

[5] Korostelev A.P. Normativnoe opredeleniye pravovogo statusa kontroliruyushchego litsa

dolzhnika: aspekty razvitiya pravoprimeritel'noy praktiki // Yuridicheskaya nauka. 2023. № 9. S. 121–125.

[6] Rodina N.V. Subordinatsiya trebovaniy kreditorov v protsesse nesostoyatel'nosti (bankrotstva) yuridicheskikh lits. M.: Yustitsinform, 2023. 192 s.

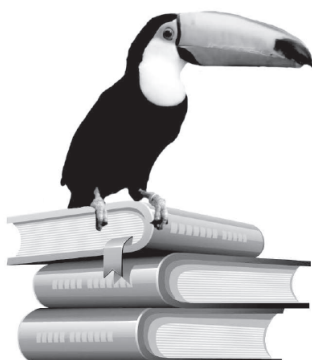
[7] Stolyarchuk M.V. Ponyatie i kvalifitsiruyushchie priznaki nominal'nosti v bankrotstve // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. 2023. № 2 (105). S. 77–83.

[8] Khabrieva T.Ya. Doktrinal'nye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. M.: Norma, 2023. 384 s.

[9] Khodakovskiy A.P. Fiktivnaya zadolzhennost' i protivodeystvie ee vklyucheniyu v reestr trebovaniy pri bankrotstve // Pravo i ekonomika. 2021. № 8 (402). S. 41–50.

[10] Shishkina E.V. Subsidiarnaya otvetstvennost' nominal'nogo rukovoditelya v ramkakh dela o bankrotstve // Khozyaystvo i pravo. 2022. № 1. S. 110–118.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.